

Джон просыпается в новом теле, в новом мире, в новой жизни.

Джон Уик по натуре не религиозен и уж тем более не склонен верить в концепцию перерождения.

Он вообще считает, что не заслуживает этого.

Перерождение.

Идея возрождения в новой жизни, настолько далекой от прежней, что это почти похоже на измену. Как будто начинаешь все сначала, перед тобой пустой лист бумаги, на котором нет ни пятен черных чернил, чтобы дать жизнь другой грани тебя, ни крови, чтобы связать твою душу с другой, ни пепла, чтобы ты развеял его в качестве предупреждения.

Все это - чистый, безгрешный, бескровный лист, когда ты возрождаешься, и Джон прекрасно знает, что он этого недостоин. Да и как он мог быть таким после многих лет смертоносной службы, когда каждое место, куда он попадал, окрашивалось в тошнотворный красный цвет - остатки людей, которых ему приказывали убивать? Людей, которых он убил из сырой, мучительной ярости за то, что они сделали с тем, что осталось от единственного хорошего в его жизни?

Его руки были запачканы кровью слишком многих людей, и его совесть не меньше преследовали их призраки, несмотря на то что он отгораживался от них. Это была его работа, но от этого его задания и убийства не становились менее непростительными. Это была его работа, но это не означало, что Джон Уик был свободен от возмездия. В конце концов, он был всего лишь одним из смертных.

Поэтому он не верит ни в перерождение, ни в получение второго шанса, ни в жизнь, отличную от твоей собственной. Он не мог.

Так почему же, после того как он испустил последний вздох и позволил тьме наконец унести его от избитого, измученного и истощенного тела в более спокойное место, его убеждения рушатся, и он просыпается в теле, таком маленьком, менее обремененном шрамами и старыми ранами, и таком молодом?

~

Первое, что Джон ясно видит, открыв глаза, - это женщина.

Женщина, которая не является ни Хелен, ни директором, ни Софией. Это женщина со странными зелеными волосами и такими же глазами, смотрящая на него с такой нежностью, какую он видел только у своей жены.

Но эта женщина - не Хелен. Хелен ушла в то место, которое, как ему казалось, он успел мельком увидеть перед тем, как провалиться в ад, и Джон уже почти смирился с тем, что память о ней будет предана забвению.

И все же, даже если эта женщина не Хелен, в ней есть что-то, что говорит ему о том, что он может ей доверять, что он может позволить себе снять напряжение с плеч, что он может наконец перестать бежать. Что он может почувствовать, что демоны его не достанут.

Женщина улыбается ему. Хорошая улыбка, думает Джон. Хелен часто так улыбалась ему, но эта улыбка другая. Он не знает, в чем дело, но это... хорошее отличие, полагает он. Это далеко от тех злобных ухмылок и хладнокровных взглядов, которые он получал от людей, охотившихся за его головой.

«Доброе утро, мой малыш Идзуку», - мягко говорит женщина... Значит, эта женщина - его мать. А Джона в этой жизни зовут Идзуку. И, судя по всему, он в Японии и понимает по-японски.

Что ж. Хорошо, тогда.

Женщина - его мать в этой жизни... она так невероятно отличается от Директора. Конечно, Директор дал ему дом, когда он остался сиротой, давал ему еду и тренировки, чтобы он не погиб, но между ними всегда была зияющая пропасть, негласная линия, проведенная на песке.

(Эта зияющая пропасть превратилась в глубокую пропасть, когда он вернулся к Рускому Рому, думая, что его билет поможет ему, потому что он забыл, как его старый дом был привязан к Высокому Столу, как собака к хозяину. Призрачный ожог от клейма все еще ощущался).

Это была железная стена, разделяющая Джардани и его приемную мать, потому что они - Джон Уик и режиссер, а не кто иной, как он сам, потому что научился держаться на расстоянии от подобных вещей. Он знает, что у нее едва хватало терпимости к тем, кто не соответствовал ее стандартам, и уж тем более к тем, кто нарушал правила.

И все же Джон не мог не задаться вопросом, почему директор (неохотно) согласилась помочь ему добраться до Касабланки, в конце концов, несмотря на его бывшую связь, несмотря на последствия помощи такому человеку, как он. Было ли это сделано по причине оставшейся в ее сердце доброты или из чувства ответственности и чести, он никогда не узнает. Ее всегда было трудно прочитать - он научился этому трюку, который чаще всего избавлял его от необходимости иметь дело с аналитическими убийцами.

(Какая-то часть его, этого юного сироты, надеялась, что ее наказание не приведет к тому, что ее голова покатится по полу).

Так или иначе, мать нынешней жизни - совершенно новый для него человек, но он чувствует с ней связь, превосходящую ту, что была у него с директором. Что-то, не отягощенное долгами и эмоциональным безразличием, не отягощенное правилами и старыми традициями.

Джон никогда не помнил, как выглядела его родная мать, и не знал, какие у них были отношения до того, как его нашли Директор и цыганка Руска, но, глядя на женщину, которая все еще улыбается ему, он думает, что, возможно, именно такой и должна быть мама.

~

<http://tl.rulate.ru/book/120681/5009647>